

**ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ ДЛЯ РИЧАРДА ДЖЕМСА
В 1619—1620 гг.**

⟨ПЕСНЯ О ВЕСНОВОЙ СЛУЖБЕ⟩

Бережечикъ зыблетца,
да песочикъ сыплетца,
а ледочикъ ломитца,
добры кони тонуть,
молотцы томятца.

Ино, Боже, Боже!
сотвориль ты, Боже,
да и небо-землю,—
сотвори же, Боже,
весновую службу!

Не давай ты, Боже,
зимовые службы;
зимовая служба —
молотцам кручинно
да сердцу надсадно.

Ино дай же, Боже,
весновую службу:
весновая служба —
молотцамъ веселье,
а сердцу утѣха.

А емлите, братцы,
яровы веселца,
а садимся, братцы,

в ветляны стружечки,
да грѣнемъте, братцы,
въ яровы веселца,
ино внизъ по Волги!

Сотвориль намъ, Боже,
весновую службу!

⟨ПЕСНЯ О ВОСПРИЯТИИ В МОСКВЕ
ИЗВЕСТИЯ О СМЕРТИ ВОЕВОДЫ
КНЯЗЯ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА СКОПИНА-ШУЙСКОГО⟩

Ино что у нас в Москвѣ учинилося:
с полуночи у насъ в колоколъ звонили.
А расплачются гости москвичи:
«А тепере наши головы загибли,
что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила!»

А съезжались князи-бояре супротиво к нимъ,
Мъстисловской князь, Воротынской,
и между собою онѣ слово говорили;
а говорили слово, усмѣхнулись:
«Высоко соколъ поднялся
и о сыру матеру землю ушибся!»

А расплачютца свѣцкие немцы:
«Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила!»
Побѣжали немцы в Новъгородъ,
и в Новгороде заперлися,
и многой миръ-народъ погубили,
и в латынскую землю превратили.

⟨ПЕРВЫЙ ПЛАЧ ЦАРЕВНЫ
КСЕНИИ БОРИСОВНЫ ГОДУНОВОЙ⟩

Сплачетца мала птичка,
бѣлая перепелка:
«Ох-те мнѣ молоды горѣвати!

Хотять сырой дубъ зажигати,
мое гнѣздышко разорити,
мои малыи дѣти побити,
меня пелепелку поимати».

Сплачетца на Москвѣ царевна:
«Ох-те мнѣ молоды горѣвати,
что едетъ к Москвѣ измѣнникъ,
ино Гриша Отрепьевъ рострига,
что хочетъ меня полонити,
а полонивъ меня, хочетъ постритчи,
чернеческой чинъ наложити!

Ино мнѣ постритчися не хочеть,
чернеческого чину не здержати,
отворити будетъ темна келья,
на добрыхъ молотцовъ посмотрити.

Ино, охъ, милыи наши переходы!
А кому будетъ по васъ да ходити,
послѣ царского нашего житья
и послѣ Бориса Годунова?

Ахъ, милыи наши теремы!
А кому будетъ в васъ да съдети
послѣ царского нашего жития
и послѣ Бориса Годунова?»

〈ПЕСНЯ О ВЪЕЗДЕ В МОСКВУ
ВОЗВРАЩАВШЕГОСЯ ИЗ ЛИТОВСКОГО ПЛЕНА
ПАТРИАРХА ФИЛАРЕТА НИКИТИЧА〉

Зрадовалося царство Московское
и вся земля Святоруская:
умолил государь православной царь,
князь велики Михайло Федорович.

А что скажутъ, въѣхаль батюшко
государь Филарет Микитичь,
из невѣрной земли из Литовской.

С собою он вывез много князей-боярь,
еще онъ вывезъ государева боярина,
князя Михаила Борисовича Шеина.

Съезжались многии князи-бояря,
князи-бояря и многие власти
ко силному царьству Московскому:
хотять встрѣчать Филарѣта Микитича.

Из славнаго града каменной Москвѣ
не красное солнце катилося,
пошелъ государь православной царь
встрѣчати своего батюшка,
государя Филарѣта Микитича.

З государемъ пошел его дядюшка,
Иванъ Микитичъ бояринъ.
«Дай, Господи, здоровъ был государь мой батюшко,
а батюшко государь Филарѣтъ Никитичъ!»

А какъ будутъ онъ в каменной Москвѣ,
не пошли онъ в хоромы в царьские,
а пошли онъ к Пречистой соборной,
а пѣти чесныхъ молебеновъ.

Благословлялъ своего чада милого:
«И дай, Господи, здоровъ был православной царь,
князь великий Михайло Федоровичъ,
а ему здержати царьство Московское
и вся земля Святоруская!»

⟨ВТОРОЙ ПЛАЧ
КСЕНИИ БОРИСОВНЫ ГОДУНОВОЙ⟩

А сплachtetся на Москвѣ царевна,
Борисова дочь Годунова:
«Ино, Боже, Спасъ милосердой!
За что наше царьство загибло:
за батюшково ли согрѣшенье,
за матушкино ли немоленье?»

А свѣты вы, наши высоки хоромы!
Кому вами будетъ владѣти
послѣ нашего царьсково житья?
А свѣты, браньи убрусы!
Береза ли вами крутити?
А свѣты, золоты ширинки!
Лѣсы ли вами дарити?
А свѣты, яхонты-серешки!
На сучье ли васъ задѣвати
послѣ царьсково нашего житья,
послѣ батюшкова преставленья,
а свѣта Бориса Годунова?

А что едетъ к Москвѣ Рострига,
да хочеть теремы ломати,
меня хочеть, царевну, поимати,
а на Устюжну на Желѣзную отослати,
меня хочеть, царевну, постритчи,
а в рѣшетчатой садъ засадити.
Ино ох-те мнѣ горѣвати:
какъ мнѣ в темну келью ступити,
у игуменьи благословитца?»

〈ПЕСНЯ О НАШЕСТВИИ КРЫМСКИХ ТАТАР
НА РУСЬ В 1572 г.〉

А не сильная туча затучилася,
а не силнии громы грянули:
куде едетъ собака крымской царь?

А ко сильному царству Московскому:
«А нынѣчи мы поедемъ к каменной Москвѣ,
а назадъ мы поидемъ, Рѣзанъ возмѣм».

А какъ будутъ онѣ у Оки-рѣки,
а тут онѣ станут белы шатры роставливать.
«А думайте вы думу с цѣла ума:

кому у насъ сидеть в каменной Москвѣ,
а кому у насъ в Володимере,
а кому у насъ сидеть в Суздале,

а кому у насъ держать Рѣзань Старая,
а кому у насъ в Звѣнигороде,
а кому у насъ сидеть в Новегороде?»

Выходить Диви-Мурза сын Уланович:
«А еси государь нашъ, крымской царь!
А табе, государь, у насъ сидеть в каменной Москвѣ,
а сыну твоему в Володимере,

а племяннику твоему в Суздале,
а сродичю в Звѣнигороде,
а боярину конюшему держать Рѣзань Старая,

а меня, государь, пожалуй Новымъ городомъ:
у меня лежать тамъ свѣтъ-добры-дни батюшко,
Диви-Мурза сынъ Улановичъ».

Прокличет с небесъ Господень гласъ:
«Ино еси, собака, крымской царь!
То ли тобѣ царство не свѣдомо?»

А еще есть на Москвѣ Семьдесятъ апостоловъ
опришенно Трехъ святителей,
еще есть на Москвѣ православной царь!»

Побежалъ еси, собака, крымской царь,
не путемъ еси, не дорогою,
не по знамени, не по черному!